

Виктор СЛИПЕНЧУК

Сердце торкнулось и побежало-побежало, и я проснулся. Я спал на ватниках, постеленных на полу, и, привстав, сразу увидел две конфеты. Настоящих, в прозрачных фантиках. Я подоткнул их под резинку трусов и выскочил на улицу. Обычно мы с мамой приходили в колхозный детсад первыми: она — как заведующая, а я — как слишком маленький, которого поутру не с кем оставить.

Сегодня она меня не разбудила, и я, как большой, сам побежал в детсад. Всё было чудесным. Солнце уже поднялось, и улица была, как на ладони. Две конфеты вызвали массу неожиданных мыслей. Они просто взрывали мой мозг внезапно открывшимися возможностями. Десятки решений бурлили в моей голове, и я наконец решил, что одну из конфет дам Павлику Башта. Мальчику из старшей группы, который бегал лучше всех, но не хотел играть с нами, мальчишками из средней. У меня возник план задобрить его. План был замечательным, но Павлик мог не согласиться стать моим боевым крылатым конём всего за одну конфету.

За две он, конечно, не устоит, размышлял я. Но вторую конфету мне хотелось попробовать самому. Однажды я уже пробовал такую в прозрачном фантике. Очень, очень сладкая конфета. Намного слаще сахара. Мне захотелось удостовериться, я даже приостановился.

Но если он не захочет за одну?! Мысль обожгла, я со всех ног припустил по дороге что было сил. Если он не захочет, то я ему скажу: бери вторую, чёрт с тобой! Так чертыхается повараха, когда водовоз требует полного трудодня за одну внеплановую бочку.

Подбегая к детскому саду, увидел многих мальчишек из старшей группы, вылезших на забор. Павлика среди них не было.

Мама стояла возле летней кухни в окружении воспитательниц. Все они были в белых халатах (по ним мы легко отличали их от других работников). Чтобы не привлекать внимания, я побежал к другой калитке. Я не хотел показывать, что моя мама заведующая детским садом, чтобы потом меня не дразнили «маменькиным сыночком».

Меня окликнула Мария Васильевна, воспитательница нашей группы. Приоткрыв калитку, сказала, чтобы помыл руки. Сейчас будем завтракать на веранде, а потом всем детским садом пойдём на речку купаться. Сообщение о том, что после завтрака всем детским садом пойдём на речку, словно подбросило в огонь сухого хвороста.

Я пригнулся, чтобы никто не думал, что я маменькин сыночек, и опять со всех ног помчался к главному корпусу. Я только один раз мельком оглянулся на маму (она стояла ко мне спиной), но всё равно по лицам воспитательниц догадался, что мама молчаливо усмехается мне какой-то своей далёкой мыслью.

В такой день не жалко будет отдать и вторую конфету. Я представил, как Павлик мчится по зелёному пойменному лугу, а я не отстаю, потому что держусь за удила, крепкие верёвочки из парашютных строп, которые он приносит из дому как свою личную сбрую. Меня охватила внезапная радость. Для такого сильного скакуна, как Павлик, не жалко никаких конфет, думал я и в умывальной нос к носу столкнулся с ним.

— А, это ты! — сказал Павлик.

И предупредил, что если в другой раз буду так лететь, то он не посмотрит, что моя мама заведующая детсадом, и подставит мне ножку, чтобы я разбил нос.

Он нарочно сказал про маму, чтобы обидеть, он знал, что никому не понравится, когда ко всему, что ты ни делаешь, примешивают маму.

— Где твоя сбруя? — спросил я.

— А что?! — испугался Павлик.

— А то, что хочу попросить тебя побыть моим боевым крылатым конём.

— Ты?! Меня?! Боевым крылатым конём?

Павлик стал насмехаться надо мной.

— Ты кто такой? — спрашивал он меня. — Ты думаешь, если твоя мама заведующая детсадом, то я соглашусь?!

Он бил очень больно, но я молчал. Я знал, что Павлик будет так говорить, потому что на его месте каждый бы так говорил, потому что Павлик — это лучший крылатый боевой конь.

— Да ты знаешь, кем был мой отец до войны?

Павлик поблел, и я подумал, что всё сорвалось, потому что когда-то давным-давно, когда меня и в помине не было, отец Павлика был председателем нашего колхоза, а теперь он с трудом ходит на костылях. И тут на моё счастье зазвенел звонок на завтрак.

— Не торопись! Завтракать будем на веранде, — сказала я и предложил, что за каждую его пробежку от забора до забора я согласен быть конём Павлика столько раз, сколько он захочет.

— Ну, ты совсем уже белены объелся, — сказал Павлик и побежал на завтрак.

Пока умывался, слышал, как в старшей группе он объявил, что завтракать будем на веранде. По голосу Павлика догадался — он простил меня и гордится новостью. Если успею, скажу ему, что после завтрака пойдём на речку. Я представил, как мы бежим по траве, по золотым одуванчикам и ромашкам, набивающимся между пальцами, и до того разгорячился, что пришлось подставлять голову под рукомоинник. Холодная вода освежила, и я поспешил на веранду.

Мне опять повезло. Павлик ждал меня.

— Смотри, — сказал он и растопырил боковой карман на своих коротких штанах с отстёгнутыми ляжками.

Карман был набит парашютными стропами.

— Но я всё равно не буду твоим крылатым конём, ты плохо бегаешь, — сказал Павлик и стал задаваться, что от забора и до забора слишком мало места для крылатого коня. — От забора и до забора бегают лошади-водовозки.

— После завтрака мы пойдём на речку, — сказал я. — А теперь, смотри!

Я вытащил из-под резинки две настоящих конфеты в прозрачных слюдянистых обёртках и одну пообещал отдать Павлику, если он согласится быть моим крылатым конём. Он как увидел конфеты, так сразу же и сплотнул слюну.

— Настоящие, в фантиках, — восхитился он, а я опять спрятал конфеты под резинку, потому что к нам подбежал Мишка Рубанюк.

Мишка был старше меня на пятнадцать дней, а ростом был маленьким, словно из младшей группы. Его интересует всё, что интересует меня. Он и за столом сидит рядом со мной, а вчера попросил, чтобы я разрешил ему иногда говорить в группе, что он старше меня. Я не разрешил. Я сказал, что пусть вначале обгонит меня ростом, а потом говорит. Мишка покраснел, как варёный рак, потому что понял, что его разоблачили, что он хочет быть выше ростом за счёт других.

— Смотри, — подбегая, сказал Мишка и растопырил карман точь-в-точь как Павлик.

Я увидел пучок смятого ворсистого шпата, перетянутого суровой ниткой, и нарочно загородил карман, потому что сразу догадался, что это не шпата, а жалкая сбруя для боевого коня. Конечно, она не шла ни в какое сравнение со сбруей из настоящих парашютных строп, внутри которых протянуты крепчайшие шёлковые нитки, которые многие ры-

баки используют на лески. Я не хотел, чтобы Павлик увидел Мишкину сбрую, но он увидел и сразу стал насмехаться над нами.

— Ой-ё-ёй, какая хорошая сбруя! — делано засмеялся Павлик. — Как раз для лошади-водовоза.

Он побежал за стол в свою старшую группу. А я сказал Мишке, чтобы он не садился со мной за столом — я с ним сидеть не буду. Мишка сгорбился, стал ещё меньше. И опять покраснел, как рак. Так тебе и надо, подумал я. И ушёл от него. И нарочно сел в самой гуще пацанов, чтобы рядом не было ни одного свободного места. Мишка Рубанюк просто опостылел мне своей дружбой.

После завтрака нас повели на речку. У старших была своя воспитательница, а с нами была Мария Васильевна. У шоссе на дороге мы смешались со старшими, а за дорогой нас снова развели, потому что старшим надо было идти на вторую ямку (она дальше), а нам — на третью (ближайшую излучину, где море песка, где без дождей речка совсем обмелела).

Это была неслыханная удача. На виду у всех проскакать боевым крылатым конём самого Павлика. Но я не стал выдавать свою радость и, вытащив из-под резинки конфеты, сказал: — На, чёрт с тобой!

Я никогда не видел вблизи сбрую боевого крылатого коня, а только на Павлике. Теперь она лежала на траве и оказалась намного лучше, чем я думал.

Если ты боевой крылатый конь, то надо накинать стропы на плечи, пропустить под руками, и первая поперечная верёвочка, что ближе всего к спине, становится чересседельником, а другая, что ближе к наезднику, получается тачанкой-ростовчанкой. Она удерживает поводья, чтобы они не распадались и не запутывались. Если настала очередь наезднику стать конём, то ему не надо никого ждаться, а надо сразу запрятаться в сбрую со своего конца.

У этой великолепной сбруи много, очень много неожиданных значений. Но пока она лежала на траве, я хорошо рассмотрел её и понял, что только пусть придёт время, я сам сделаю такую,

За стеной ивняка Павлик замедлился, и я чуть не сбил его с ног

— Хватит! — выдохнул он. — Мы уже на первой ямке.

Тут только я увидел за ивняком излучину речки и взрослых, ныряющих ласточкой с крутого берега.

— Теперь твоя очередь быть конём, — сказал Павлик.

Я не стал ждать, пока он распряжётся, и быстро со своего конца надел сбрую.

— Ты, наверное, где-нибудь подсмотрел, что она двусторонняя?! — удивился Павлик.

Я промолчал. Я не хотел тратить время на разговоры.

— До второй ямки. И хватит, мы слишком далеко убежали, — предупредил Павлик и предложил: — Хочешь, я поделюсь и откушу тебе полконфеты?

— Нет, не хочу, — сказал я, потому что какие конфеты теперь не могли сравниться с тем, что вдруг открылось мне.

— А я и не знал, что ты так хорошо бегаешь, — сказал Павлик, и я засмеялся, потому что теперь знал, что это была правда.

И мы опять побежали. И опять простор зелёного луга и неба вскакивали в меня и переполняли сердце. Павлик не успевал за мной. Стропы то натягивались, то ослабевали, но это только прибавляло сил. Я бежал галопом, как самый настоящий крылатый боевой конь. Как только чувствовал, что Павлик сейчас натянёт поводья, я, рванув, подпрыгивал, бросаюсь вперёд всем телом.

Из-за ствны ивняка выбежали мальчишки старшей группы.

— Вот они, вот они! — кричали они, расступаясь.

Павлик бросил поводья, и я на ходу, не останавливаясь, сбросил сбрую. От одинокой ракиты отлепился маленький Мишка Рубанюк. Я узнал его, я узнал бы его и за сто километров. Он стал спускаться к речке, а издали казалось, что он погружается в землю. Мне что-то кричали и Павлик Башта, и другие пацаны, но я не слышал ничего. Я не хотел слышать. Простор неба и луга вошли в меня, и я растворился в них.

Когда выбежал на берег третьей ямки, все уже были заняты своим делом. Кто-то строил домики на песке. Кто-то по-лягушачьи плашмя прыгал на воду. А большинство бегало туда-сюда, обрызгивая друг друга. Вода и солнце, шум и гам были рядом, но не касались меня, и я со всем своим неохватным простором решил прыгнуть в этот ликующий мир.

Я кинулся вниз, как птица, как необъезженный крылатый конь. Чтобы ни на кого не наскочить, я взял правее купающихся. Я взял прямо на широкий и рясный куст ивняка. Я знал, что перелечу через него и бомбочкой, поджав ноги, плюхнусь в свободное пространство воды и солнца.

У меня всё получилось. Я ни на кого не наскочил и пролетел над ивняком, словно приплясал ног, пока не коснулся дна. А когда коснулся, сразу разжался весь, как тугая пружина.

Дно оказалось илистым и вязким. Я засучил ногами и зашептал, чтобы выскочить из воды. Меня никогда не учили плавать, и я стал барахтаться. Теперь я взмахивал руками как большая всамделишная птица. И всякий свой взлёт невольно гасил движением крыльев вверх. Я не мог вынырнуть, но страха не было. Глаза сами открылись, и взбаламученная жёлтая муть стала застит свет, и чтобы не захлебнуться, я стал пить её.

Совсем рядом над головой засветилась сербрияная сверкающая полоска. Я знал, что мне надо хотя бы коснуться её. Хотя бы зацепиться за неё глазами. И тогда я снова увижу и солнце, и весь-весь ликующий день. Но у меня не получалось. Жёлтая вода не давала дотянуться и с каждым взмахом крыльев отодвигала её. И тогда, чтобы приблизиться к ней, я стал пить воду и глазами, и крыльями, и всем-всем своим телом. Вода вливалась в меня, не останавливаясь. От разрывающейся рези глаза вылазили из орбит, и, чтобы помочь им, я пил и пил. Но жёлтой воды становилось всё больше и больше. Она вытесняла весь простор

Мишки Рубанюка я не видел, после завтрака он старался не попадаться мне на глаза. Зато за шоссе на дороге Павлик Башта сам подошёл ко мне.

— Давай свои конфеты, только не хнычь, если упадёшь и нос разобьёшь.

Я напомнил Павлику, что мы условились за одну конфету. Но он сказал, что как только наденет сбрую, мы помчимся сразу до второй ямки, минуя третью.

— Это тебе не от забора до забора.

Мы вместе посмотрели вдаль пойменного луга, усеянного золотыми цветками одуванчиков, а потом он вытащил из кармана свою великолепную сбрую с двумя поперечными перехватами верёвочками и сказал:

— От второй ямки до третьей, так и быть, ты будешь боевым крылатым конём.

а может быть, и лучше. И оттого, что я понял, такая радость меня охватила, что я не мог стоять на месте. Всё моё тело трепетало от нетерпения.

— Павлик! Давай помогу!

— Вот ещё, — сказал Павлик и сообщил, что конфеты сосательные.

Он одну конфету положил в рот, а другую — вместе с фантиком в карман. Но меня уже не интересовали конфеты. Я сгорал от нетерпения. Наконец, Павлик облачился в боевого крылатого коня, и мы помчались.

Ликующие лица, смеющееся солнце и простор неба и луга я схватывал глазами, как птица, не чувствуя ног.

— Губкин! Башта!

Я слышал этот оклик. Но сердце не отзывалось. Простор жизни переполнял меня, и я не мог остановиться.

Крылатый боевой конь

Рассказ

жизни, который ещё минуту назад я впервые открыл в себе.

И тогда я замедлил движение рук и перестал взмахивать ими, как крыльями. Я ждался и медленно опустился на дно. Я вновь почувствовал его илистую вязкость, но ни на секунду не забывал о светлой полоске сверху. Я искал её сквозь жёлтую муть и, не отвлекаясь, собирал в себе весь простор жизни, который ещё был во мне, до которого эта жёлтая муть ещё не добралась. Я собирал его в серебряный живой комочек, и что-то необъяснимое вдруг стало поднимать меня.

Я увидел светящуюся полоску и почувствовал, что под сердцем комочек шевельнулся. И тогда молчаливо я шепнул ему: подожди, ещё рано, ещё жёлтая муть может перехватить нас. И мы замерли. Но светлая сверкающая полоска услышала наш разговор и стала тихо-тихо подплывать к нам. Она подплывала всё ближе и ближе, и живой комочек, притягиваясь к ней, поплыл внутри меня к моим глазам. В какой-то момент, словно от электрической искры, я весь разжался и, словно крылатый боевой конь, изо всех сил взмахнул крыльями. Я ударил ими с такой силой, что полоска разорвалась и зазвенела. Она зазвенела как тысячи сверкающих брызг.

Я увидел солнце, ликующую детвору и одинокого Мишку Рубанюка, испуганно показывающего рукой на круглый лоснящийся мячик. Мячик, медленно всплыв, постоял под кустом, а потом опять медленно погрузился в воду. У меня не было никакой мысли, что этот мячик — я.

Никто не обращал внимания на призы-вые Мишки, пока Мария Васильевна вдруг не вскинула вместе с халатом. И уже на бегу резко не откинула его. Она с разгону бросилась в воду, как раз на то место, на которое указывал Мишка. И опять не было никакой мысли, что она бросилась мне на помощь.

Я подумал о маме и сразу увидел её, потому что мои глаза теперь были большими-большими, как небо и как простор нескончаемого дня. Она сидела в летней кухне вместе с поварахой и пила чай. Она подняла стакан, и чайная ложечка вдруг выскользнула из стакана.

— Ой, Боженьки! — вскрикнула мама и выронила стакан.

Он со звоном разбился о железное ведро. Я хотел поднять чайную ложечку, но здесь всё исчезло и забилось.

Я не помнил, как меня откачали и как привели в детский сад. Я вспомнил себя только во время тихого часа. Мы сидели на ступеньках глухого крыльца главного корпуса. Тени больших деревьев ласково шевелили листьями, и все разговоривали боязливо, вполголоса. Говорили о злых володах, живущих в воде и утаскивающих утопленников. О том, что если бы не Рубанюк, то я утонул бы по-настоящему. Девочка Ольга Вольхина, знавшая все буквы в алфавите, надеялась, что в следующий раз Рубанюк не увидит, и тогда я утону по-настоящему, и водолазы утянут меня, и тогда в группе они все вместе на это посмотрят.

Кто-то сказал, что тонуть — это очень больно, и все сразу зашикали на Вольхину и пообещали: если она утонет, то её спасать не будут, а сразу отдадут водолазам. Вольхина стала хныкать, что боится их. А Мишка Рубанюк сказал, что она хочет всё знать за счёт других. И если она такой останется, то с нею рядом никто сидеть не будет. Он посмотрел на меня, но я промолчал.

Из-за корпуса вышла мама, торопливо взглянула и ушла. Никто не мешал нам сидеть на крыльце во время тихого часа. Я спросил у Мишки:

— А где Павлик Башта?

— Он спит, — ответил Мишка. — Павлик сказал, что если бы ты не утонул, то он бы дал тебе подзатыльник.

Я опять промолчал. Мне было понятно всё. Всё-всё, до самого донышка. Почему Мишка так говорит и почему — Павлик. И почему мама прибежала и торопливо ушла. И почему Вольхина хотела, чтобы я утонул. Всё-всё я понимал, но это понимание не радовало меня, а лишь навевало грусть открывшейся жизни.